

Н.А. Коровникова*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к определению процесса адаптации населения, а также понятия адаптационных ресурсов и стратегий. Проанализированы тенденции формирования массового сознания в постсоветский период, показаны особенности социально-экономической адаптации современных россиян.

Ключевые слова: социально-экономическая адаптация; адаптационные ресурсы; адаптационные стратегии; образовательный капитал; массовое сознание; Россия.

N.A. Korovnikova

Features of the socio-economic adaptation of modern Russians

Abstract. The paper considers approaches to defining the process of adaptation of population, as well as the concepts of adaptation resources and strategies. Analyzed the trends in the formation of mass consciousness in the post-Soviet period, shown the features of the socio-economic adaptation of modern Russians.

Keywords: socio-economic adaptation; adaptation resources; adaptation strategies; educational capital; mass consciousness; Russia.

---

* **Коровникова Наталья Александровна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела экономики ИНИОН РАН.

Korovnikova Natalia Alexandrovna, candidate in political sciences, senior researcher of the Department of economics, Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Введение

В современных условиях высокоскоростных социетальных трансформаций вопросы адаптации граждан к новым экономическим и политико-культурным системам заняли одно из центральных мест в рамках научного и общественного дискурсов. В отечественной исследовательской среде данная проблематика приобрела особую актуальность и значимость в 1980–1990-е годы на фоне дискредитации и ликвидации как аксиологических, так и материальных ориентиров советского образца в ходе реформирования ключевых социально-экономических институтов и административно-правовой системы, а также формирования нового российского общества и государства.

Совокупность масштабных изменений привела к тому, что население на всем постсоциалистическом пространстве столкнулось с необходимостью адаптироваться к ранее неизвестным и малопонятным явлениям, что вызвало своего рода массовый *«культурный шок»* как результат *«преждевременного наступления будущего»* [Красавина Е.В., 2015, с. 50]. Процессы трансформации заставили российский социум приспосабливаться к новым условиям и правилам организации жизнедеятельности – мобилизовать все индивидуальные ресурсы, выработать поведенческие реакции, модели и стратегии, соответствующие изменяющейся действительности.

Адаптация современного социума: Понятие, ресурсы, стратегии

Основные характеристики адаптационных процессов различных социальных слоев в значительной степени обусловлены *результатами социализации*, которую можно определить как процесс восприятия и усвоения индивидом определенной системы норм и ценностей, «позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества». Этот процесс включает как контролируемое целенаправленное влияние (воспитание), так и стихийные, спонтанные воздействия. Другими словами, социализация предполагает усвоение образцов поведения, социальных норм, общественно значимых (терминальных) ценностей, которые необходимы для успешного функционирования индивида в конкретном историческом контексте. В общем виде *механизм социализации* можно представить как реализацию «системы социальных

возрастноориентированных программ», ЗУНов (знаний, умений и навыков), транслируемых от старших поколений младшим [Красавина Е.В., 2015, с. 48–49].

Главное отличие адаптации от социализации специалисты видят в том, что она ориентирована на прагматические цели, инструментальные ценности-средства и содержит алгоритм практических действий в реальных социально-экономических условиях. Для ее теоретического анализа современные исследователи опираются на *социально-ресурсный подход, модели социальной интеграции* [Коршунов А.В., 2011 б] и нижеследующие теоретические концепции:

– *теория человеческого капитала*, которая изучает совокупность воплощенных в индивиде экономически значимых ресурсов (знаний, навыков, опыта, мотиваций, способностей к восприятию и продуцированию новой информации), применяемых им в процессе трудовой и общественной деятельности; при этом индивидуальное и групповое развитие представляет собой интегральную характеристику, включающую не только экономическую (материальные ресурсы), но и социальную (нематериальные ресурсы) составляющие [Логинов Д.М., 2004, с. 4–5];

– *теория рационального выбора*, в рамках которой индивид рассматривается как «максимизатор выгоды», чья деятельность нацелена на максимально возможное увеличение собственного благополучия, в том числе через мобилизацию усилий для наиболее успешной реализации имеющихся ресурсов в рамках определенной институциональной среды [Логинов Д.М., 2004, с. 5]; причем исследование рационального поведения предполагает «изучение экономического поведения с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» (по Л. Роббинсу) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 14];

– *теория непрерывного образования*, изучающая процесс формирования и совершенствования человеческого капитала в процессе профессионального, корпоративного, дополнительного, социального и всех типов информального (повседневного) образования [Горшков М.К., Ключарев Г.А., 2011, с. 16].

В современной научной литературе можно найти множество *дефиниций адаптации*, которые зависят от фокуса исследования и отражают различные аспекты адаптационных процессов. Так, *адаптация* – это:

- процесс согласования ожиданий и требований со стороны институциональной среды, которая детерминирована политической и научной элитой, а также различными слоями населения [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 188];

- объективные процессы вхождения индивида (или социальной группы) в качественно новую социальную среду, ее освоения, взаимного приспособления, в результате которых формируются условия удовлетворения потребностей, достижения жизненных целей, прогрессивного изменения «адаптирующей» среды;

- изменение поведенческих реакций в соответствии с моделью поведения и системой ценностей конкретного социума;

- результат активного приспособления индивида к условиям нового социального окружения, который носит парадоксальный характер: «разворачивается как гибко организованная в новых условиях поисковая активность, выход индивида за пределы готовой конечной формы»;

- сохранение вида в природной среде (в биологии) или достижение рационально поставленной цели (в социологии) [Красавина Е.В., 2015, с. 51–53];

- состояние приспособления или же процесс приспособления социальной системы (личности, группы, организации, института, общества, цивилизации и т.д.) к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем трансформации как социальных стереотипов поведения, практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и ее внутренней структуры и функций [Соколова Ю.Д., Зборовский Г.Е., 2016, с. 313];

- выработка продуктивных моделей социально-экономического поведения, основанных на реализации индивидуальных ресурсов [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 5];

- выстраивание социально-экономических поведенческих стратегий, направленных на сохранение или повышение уровня жизни и / или социального статуса, адекватных требованиям реальной (модифицированной) институциональной среды.

Приведенные определения адаптации позволяют утверждать, что этот процесс обусловлен системой *социальных установок на когнитивном* (объект социальной установки в фокусе сознания), *эмоциональном* (оценка объекта социальной установки) и *поведенческом* (поведение в отношении объекта социальной установки) *уровнях* [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 26]. Другими словами, эффективная адаптация предпо-

лагает *мобилизацию* имеющихся индивидуальных и групповых *ресурсов всех уровней*, которые представляют собой основания «для достижения высоких материальных и статусных позиций» [Логинов Д.М., 2004, с. 4], формируют «неотчуждаемую собственность» индивида [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 26] и могут относиться к следующим *типам*:

1) *личностные (микроиндивидуальный уровень)* – индивидуальный опыт, накопленный в ходе образовательной и профессиональной деятельности, уровень образования, трудовой квалификации;

2) *семейные (мезогрупповой уровень малых групп)* – ресурсы, обусловленные семейным статусом и капиталом;

3) *социальные (макрогрупповой уровень больших социальных групп)* – ресурсы, зависящие от типа, уровня развития и характера конкретного социума, региона, его экономического и культурного потенциала и т.п. [Коршунов А.В., 2011 а, с. 1].

Третий тип (уровень) предполагает аккумуляцию следующих важнейших видов *нематериальных ресурсов*, а именно:

3.1) *информационного капитала*, который предполагает *способность и возможность работать с информацией* и классифицирует население по признаку «*цифрового раскола*» (англ. digital divide): а) *активные пользователи* информационно-коммуникационных технологий (далее ИКТ), которые создают и преобразуют информационную среду; б) те, кто стремится работать с ИКТ, но не имеет доступа ввиду технических и / или экономических ограничений (*потенциал дальнейшей информатизации*); в) противники ИКТ по причине убеждений или отсутствия способностей (*информационный пассив*) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 54];

3.2) *культурного капитала*, который обусловлен *типом* преобладающей *культуры* (в классификации М. Мид) в зависимости от характера межпоколенческого взаимодействия и внедрения инноваций: *постфигуративной, кофигуративной и префигуративной*¹

---

¹ *Постфигуративная культура* – это традиционная культура. Она изменяется медленно и незаметно, внуки живут в тех же условиях, что и деды. *Кофигуративная культура* – это культура, в которой преобладают модели поведения, задаваемые современниками. Она существует там, где в обществе происходят перемены, делающие опыт прошлых поколений непригодным для организации жизни в изменившихся условиях. *Префигуративная культура* – это культура еще более интенсивных и быстрых трансформаций, чем кофигуративная. Инновации в ней могут происходить настолько быстро, что взрослое население просто не успевает усваивать их. Постфигуративная культура ориентирована на прошлое,

(в современном российском обществе имеют место все три типа при *возрастающем влиянии префигуративной культуры*, соответствующей социуму на стадии трансформации) [Коршунов А.В., 2011 а, с. 2];

3.3) *социального капитала*, который приобрел особую значимость на фоне реформ раннего постсоветского периода, когда традиционные ресурсы (советское образование, квалификационный уровень, социальная принадлежность) не вписывались в качественно новый социально-экономический контекст, а социальная политика в жестких условиях общественной трансформации была слабой. Ввиду способности социальных связей компенсировать дефицит материальных ресурсов для решения индивидуальных и групповых (семейных, профессиональных) проблем индивидуальное благосостояние повышается с ростом социальных связей, тогда как исключение из социальных структур приводит к его сокращению (согласно концепции Р. Роуз) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 55, 65].

Совокупность доступных ресурсов формирует *адаптационный потенциал*, аккумулирующий весь спектр возможностей приспособления, которые могут использоваться индивидом (или группой) для формирования конкурентных преимуществ во внешней среде и достижения выгоды в материальной или нематериальной форме [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 26]. Степень реализации адаптационного потенциала зависит от *объективных и субъективных характеристик* адаптирующихся, включая возраст, семейное положение, уровень образования, удовлетворенность условиями жизни и профессиональной деятельностью, уровень уверенности в будущем, степень индивидуализации (осознания собственной определяющей роли) в достижении жизненных целей и влиянии на общественные процессы и институты, возможности профессионального роста, личную безопасность и правопорядок, жилищно-бытовые условия, состояние здоровья, уровень духовно-нравственного развития и т.п. [Красавина Е.В., 2015, с. 55]. К тому же наиболее важным объективным фактором адаптации является

кофигуративная – на настоящее, префигуративная – на будущее. Решающее значение в ней приобретает духовный потенциал молодого поколения, у которого образуется общность опыта, которого не было и не будет у старших [М. Мид: постфигуративная, кофигуративная и префигуративная культуры. – Режим доступа: https://studme.org/128004154844/kulturologiya/mid_postfigurativnaya_kofigurativnaya_prefigurativnaya_kulturny].

тип (модель) развития социальной системы на макространовом уровне в конкретных исторических условиях, которая определяет адаптационные предпосылки, источники и стимулы [Красавина Е.В., 2015, с. 53], а именно:

– «*либеральная*», в соответствии с которой государство гарантирует права личности при минимальной социальной поддержке;

– «*социал-демократическая*», в соответствии с которой государство регулирует определенные сектора экономики и предоставляет защиту наименее адаптированным социальным слоям;

– «*патерналистская*», в соответствии с которой государство контролирует большую часть экономики и оказывает поддержку всем слоям населения [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 18].

Адаптационный потенциал, в свою очередь, детерминирует индивидуальные и групповые *стратегии адаптации*, которые в общих терминах можно определить как направляющий способ поведения, рассчитанный на достижение не случайных, а значимых целей [Соколова Ю.Д., Зборовский Г.Е., 2016, с. 313] или как *комбинации различных приемов приспособления* личности (или группы) к социуму и его требованиям в соответствии с поставленными целями и программами их достижения.

Адаптационные стратегии формируются на *двух ментальных уровнях адаптации* [Красавина Е.В., 2015, с. 53]: а) *социально-психологический* (адаптация к среде жизнедеятельности, в т.ч. к профессии, работе, учебе и их условиям, конкретной социальной группе); б) *социально-экономический, политико-культурный* (объект освоения – социум, общественные структуры, отношения и коммуникации). Они могут быть сгруппированы по нескольким основаниям, а именно:

а) *виду деятельности*: предпринимательство (самозанятость); единичная занятость; вторичная занятость; множественная занятость [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 18];

б) *характеру*: добровольная, вынужденная;

в) *направленности*: позитивная, негативная [Красавина Е.В., 2015, с. 53], регрессивная, разрушительная, кризисная («полукриминальная» деятельность, которая несет угрозу социальной стабильности) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 25];

г) *результатам реализации*: материальная или статусная, средняя, низкая адаптация, дезадаптация [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 18].

Что касается *адаптационных стратегий российского населения* (более подробно об этом написано ниже), то в условиях стремительных трансформаций внешней среды речь идет уже не об адаптации, а о процессе *переадаптации* (или «изменении изменений»), который нацелен на непредсказуемость будущего, поскольку традиционные адаптационные стратегии (стремление к безопасности, гомеостазу, стабильности) не отвечают скорости социально-экономических процессов [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 29–30].

Как показывают последние исследования, группу сторонников *радикальных изменений* в России составляют: а) *«отчаявшиеся»* или *«депрессивные»*, наименее приспособившиеся граждане со средним специальным образованием, в основном жители городов с населением до 100 тыс. человек; б) *«либералы и демократы»*, выступающие за политические преобразования, отдающие приоритет «разделению полномочий между различными ветвями власти, судебной реформе, честным и свободным выборам, гарантиям независимости СМИ, ограничению влияния силовиков» [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 7]. В то же время за *«незначительные»* перемены выступают: а) *«градуалисты»* (адепты В.В. Путина, нынешнего политического порядка, граждане с высшим образованием и высоким потребительским статусом); б) *«москвичи»* (сторонники постепенных трансформаций с либеральными взглядами на содержание реформ судебной системы, выборов, свободы СМИ и т.д.); в) *«средний класс»* (по потребительским, поведенческим и даже политическим характеристикам) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 10].

Особый исследовательский интерес в условиях формирования общества знаний и перехода к цифровой экономике знаний представляют адаптационный потенциал и адаптационные стратегии *современной российской молодежи*. Сегодня эта группа вынуждена руководствоваться не только «возрастноориентированными программами» взаимодействия с другими возрастными группами [Красавина Е.В., 2015, с. 49], но также учитывать, что образование, информация, знания, которые выступают залогом успешности социальной и профессиональной деятельности, постоянно обновляются, а *риск-технологии* превращаются в распространенный способ реализации целей и потребностей, становятся наиболее значимым фактором социального развития [Коршунов А.В., 2011 б]. К числу *основных характеристик* молодых россиян эксперты относят:

– *позитивно-карьерную адаптационную стратегию* как тип активной стратегии адаптации, основанный на принятии ценностей рыночного общества и современного рынка труда [Коршунов А.В., 2011 б];

– *стратегию «множественной занятости»*, совмещение работы и учебы;

– *опору на собственные силы*, а не на обстоятельства, установка на самостоятельность и самодостаточность;

– *переориентацию* на микросоциальную среду, родственные и дружеские, *неформальные связи* [Красавина Е.В., 2015, с. 54];

– *деформацию профессиональных намерений*, иногда завышенные притязания [Лопаткин И.В., 2015, с. 13];

– *наличие доминирующих ценностей* (родители, друзья, стабильность, порядок, безопасность, знания, образование, свобода, семья, дети, любовь, интересная и оплачиваемая работа);

– *аполитичность* и, как следствие, отсутствие интереса к общественно-политической жизни («поколение В.В. Путина» в целом демонстрирует удовлетворенность текущей ситуацией и оптимизм относительно будущего России) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 10];

– *зависимость от «остаточной» веры в государственную помощь и защиту* («если захочет, государство поможет») [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 31];

– *«межпоколенческий разрыв»* с родителями, которые являются продуктом советской эпохи [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 31] и даже в переломный период основывались на «старом багаже» идей и ценностей [Красавина Е.В., 2015, с. 50];

– *относительно сдержанную позицию касательно любых изменений*, несмотря на представления о молодых как «о двигателях и потребителях перемен» [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 9], которые смогут воплотить «новую русскую мечту» [Волков Д., 2018].

Роль образования в формировании адаптационного потенциала современных россиян

В российском социуме XXI в. наблюдается существенная дифференциация адаптационного потенциала между различными социально-демографическими группами, которая в значительной степени объясняется разницей в уровне и качестве образования,

поскольку *образовательный капитал* (в выбранном ракурсе синонимичен с понятием «человеческого капитала» и предполагает наличие хорошего, в первую очередь высшего, образования) продолжает играть определяющую роль в формировании наиболее эффективных адаптационных стратегий.

Доступ к образованию как к значимому адаптационному ресурсу ограничен для определенных слоев населения целым рядом *факторов*, включая: 1) *материальный* (уровень благосостояния, достатка); 2) *территориальный* (удаленность от образовательных учреждений); 3) *статусный* (образовательный капитал, в т.ч. высшее образование членов семьи, признание роли образования в повышении общественного положения, престижа); 4) *адаптационный* (уровень личностной, групповой, социальной адаптации), которые обуславливают взаимосвязь между образовательными стратегиями и дальнейшими жизненными и профессиональными целями [Логоинов Д.М., 2004, с. 20].

Действительно, в развитых общественных системах возможности и перспективы реализуемости полученного образования длительное время определялись четкой корреляцией между его уровнем и уровнями дохода и общественного положения. Некоторые исследователи даже вычисляли «ценность» каждого года обучения на базе материальной выгоды на протяжении всего периода трудовой деятельности [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 28]. Хотя интенсивные социально-экономические трансформации разрушили «традиционную» систему социальной идентификации: «образование уже не является универсальным критерием социальной самооценки» [Логоинов Д.М., 2004, с. 17]. Тем не менее на фоне сокращения рабочих мест «низкой и средней квалификации» и стремительного развития рынка высоких технологий ценность образования как индивидуального реализуемого ресурса не подвергается сомнению [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 28].

Более того, зарубежные исследователи утверждают, что в настоящее время экономическая *конкурентоспособность* детерминирована уровнем и качеством *образовательного* (интеллектуального) *капитала, знаний и инноваций*. В контексте цифровой экономики и общества знаний образование *представляется основным способом развития навыков и компетенций, которые повышают эффективность, производительность и темпы экономического роста стран в долгосрочной перспективе*.

Результаты последних исследований специалистов из Университета Сфакса (Тунис) доказывают наличие корреляции между образовательными показателями и темпами экономического развития, а также свидетельствуют о том, что на экономику положительно влияют следующие *факторы*: *инновации* (измеряемые расходами на научные исследования и количеством заявок на патенты) и *расходы на высшее образование*. Поэтому увеличение инвестиций в образовательный капитал (особенно в сфере высшего образования) вызывает рост основных макроэкономических показателей за счет расширения каналов передачи знаний, за счет интенсификации научного обмена и коммуникаций, а также за счет подготовки нового поколения лидеров, менеджеров и технического персонала [Bouhajeб M., Mefteh H., Ben Ammar R., 2018].

Испанские эксперты из Университета Страны Басков подчеркивают особую значимость *восприятия высших учебных заведений в массовом сознании*, которое *формирует* не только общественное мнение и настроения, но и *адаптационный потенциал* населения. Они акцентируют большее влияние *аффективного компонента* на определение статуса высшего образования и на степень значимости учебных ресурсов среди граждан по сравнению с когнитивными аспектами. Этот вывод согласуется с популярным среди ученых мнением, что не только когнитивные структуры, но и эмоциональные оценки детерминируют массовое восприятие и адаптацию (переадаптацию) к трансформируемой действительности [Lafuente-Ruiz-de-Sabando A., Forcada J., Zorrilla P., 2019, p. 80–81].

Российские исследователи, в свою очередь, для определения возможностей доступа и эффективного использования образовательного капитала с целью успешной позитивной адаптации решают следующие *задачи* [Логинов Д.М., 2004, с. 4]:

- рассматривают основные теоретические подходы и статистическую информацию относительно ресурсных функций и потенциала высшего образования;

- выявляют место образования в структуре ресурсов, формирующих адаптационный потенциал российского населения в условиях социальных трансформаций;

- рассчитывают адаптационный потенциал различных социальных групп и возможности его эффективной реализации в современном социально-экономическом контексте;

- определяют ключевые факторы и тенденции, детерминирующие особенности российской образовательной среды.

Качество образовательных ресурсов во многом обусловлено основными тенденциями развития высшего образования в России, в том числе: введение высшего образования в число неперенных требований развивающегося рынка труда; расширение спроса на образование на фоне растущего разнообразия форм и направлений его возможного получения; стремительное развитие платности высшего образования; диверсификация целей получения высшего образования со стороны потребителей этих услуг и т.д. [Логинов Д.М., 2004, с. 19].

В то же время уже в начале 2000-х годов начала формироваться тенденция «сигнальной функции диплома», которая заключается в том, что работодатель, не имея трудовых ресурсов, отвечающих его требованиям, принимает на работу выпускников наличествующей образовательной системы, впоследствии переучивая их посредством развивающихся каналов дополнительного образования [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 46]. В такой обстановке полученные знания и материальные инвестиции в высшее образование перестают приносить соответствующую отдачу. В связи с этим решение проблем образовательного пространства требует внимания не только к вопросам его доступности и эффективности, но и максимальной применимости и адаптивности к условиям стремительно возрастающей конкуренции и изменению реальных потребностей рынка труда.

Более того, в настоящее время в некоторых регионах России преобладают формы адаптации, не основанные на накопленном образовательном капитале, который реализуется только при наличии соответствующих социальных связей и коммуникаций. По некоторым данным, около трети российского населения основным источником заработка считают труд в личном подсобном хозяйстве. Причем в эту группу входят и образованные люди трудоспособного возраста, но имеющие невостребованную профессию в условиях современного рынка труда [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 24].

Не следует также забывать, что российский рынок труда представляет собой структурно сложный социальный институт, который состоит из различных сегментов с собственными интересами, потребностями, ценностями и формируется в специфических внутренних и внешних условиях [Лопаткин И.В., 2015, с. 13]. Соответственно, особую актуальность приобретают:

- постоянный мониторинг развития российского рынка труда;
- научные исследования в области занятости и безработицы;

– выработка механизма корректировки структуры профессионального обучения с учетом перспектив социально-экономического развития регионов и страны в целом;

– организация и реализация на предприятиях программ трудовой адаптации;

– преодоление дисбаланса спроса и предложения (количественного и качественного) труда в связи с несоответствием уровня квалификации выпускников требованиям работодателей;

– введение системы госзаказа на выпускников учреждений высшего, среднего и начального профессионального образования;

– разработка *новых механизмов повышения адаптационных возможностей, отвечающих запросам рынка труда, – специфических* (профориентация, информирование субъектов рынка труда о взаимных потребностях и ожиданиях, а также о прогнозируемых тенденциях их развития, профессиональная подготовка и переподготовка, содействие временному и постоянному трудоустройству) и *неспецифических* (формирование системы ценностных ориентаций, профессиональной и карьерной мотивации, коммуникативной, социальной и деятельностных компетенций) [Лопаткин И.В., 2015, с. 12–15].

Эффективное и своевременное решение вышеизложенных задач требует комплексности, системности, преемственности и тесной взаимосвязи институтов на всех уровнях адаптации: от семьи, дошкольных образовательных учреждений, до выхода на рынок труда и включения в трудовую деятельность.

Адаптационные трансформации российских граждан в новом социально-экономическом контексте

Состояние массового сознания может рассматриваться как обобщенное *выражение степени адаптации населения*, поскольку «общественное настроение», отражает готовность принять (или не принять) «новые социально-экономические порядки» [Красавина Е.В., 2015, с. 54], другими словами, это *важный критерий адаптивности и адаптированности*. Поэтому исследователи в качестве интегрального эмпирического показателя адаптации (или дезадаптации) часто используют оценки граждан условий их жизнедеятельности (материального положения, социальной стабильности и безопасности, доступа к образованию и информации, социального самочувствия и т.п.).

Особенности массового сознания современных российских граждан обусловлены *источниками изменений их настроений*, которые можно разделить на две группы:

1) *ситуационные сдвиги* (изменения), инициированные официальными СМИ, которые оказывают сильное, но кратковременное воздействие ввиду зависимости от изменения транслируемого контента;

2) *автономные сдвиги* (спонтанные изменения), являющиеся результатом межличностных коммуникаций на бытовом уровне, которые затрагивают напрямую малые социальные группы, но по мере интенсификации межгрупповых взаимодействий способны сформировать самостоятельный, фундаментальный и устойчивый тренд [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 4–5].

На протяжении большей части постсоветского периода оба «источника» сдвигов взаимодействовали и взаимодополняли друг друга, определяя характер и направленность трансформаций, которые были связаны с глубокими переменами в системе аксиологических ориентиров населения, включая «изменения в приоритетах по отношению к своим индивидуальным потребностям, интересам общества и государства» [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 13]. В таком ракурсе именно *социально-экономическая адаптация стала процессом, обуславливающим доминирующие тенденции общественного развития России, который охватил как макроуровень* государственно-политических и социально-экономических задач, *так и микроуровень* реальных условий жизнедеятельности населения [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 14].

Изначально в ходе постсоветских трансформаций новые институты и механизмы западного образца не были подкреплены эффективной социально-экономической политикой, что привело к «псевдорыночным» неэффективным деформациям. Дискредитация советской институциональной системы и коммунистической идеологии вызвала индивидуализацию интересов и ценностей, концентрацию на микробытовом уровне сознания. В результате российские граждане формировали адаптационные стратегии, опираясь исключительно на собственные нематериальные индивидуальные ресурсы [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 5–7]. Иначе говоря, постсоветские адаптационные стратегии были детерминированы либеральными реформами, направленными на минимизацию функций государства, переход к универсальным регуляторам

социально-экономической деятельности (нормам и ценностям западного мира), рационализацию индивидуальных и общественных потребностей [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 14].

Но в результате многих ошибок в реализации «рыночного проекта» в реальных российских условиях, непоследовательности проведенных преобразований и тотального разрушения существовавших социально-экономических, политических, аксиологических основ возникло разочарование, укрепившее в массовом сознании населения России мысль о том, что западные стандарты не соответствуют исторически традиционным представлениям о социальной справедливости и защите. Отсутствие четких целей социальной, экономической, административно-правовой трансформации и ценностно-мировоззренческих основ, воспринимаемых большинством в качестве духовно-нравственных регуляторов, а также нестабильность функционирования новой институциональной системы обусловили адаптационные механизмы в ранний постсоветский период (конце 1990-х – начале 2000-х годов) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 12].

Реализация постсоветских механизмов адаптации на всех уровнях привела к социально-экономической дезинтеграции и деградации, кризису трудовых мотиваций и распространению деструктивных моделей поведения. В 2000-е годы начинаются процессы построения «управляемой демократии» и посттрансформационного восстановительного роста, которые послужили причиной стабилизации общественных настроений на основе удовлетворения потребностей в «порядке» и «стабильности», а также возросшего спроса на «чувство принадлежности к великой державе» [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 3].

Результаты последних статистических исследований демонстрируют, что приоритетными для общественного внимания являются вопросы *внутренней политики* (обеспечение порядка и стабильности) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 2]. Хотя по-прежнему многие россияне считают, что Россия имеет потенциал стать великой державой в современном мировом пространстве при соблюдении следующих условий: движение в будущее с четким планом действий; «жизнь по совести»; личная ответственность перед страной и друг другом; процветание и образование населения как главные приоритеты развития; «государство для человека, а не человек для государства» [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 10]. При этом большинство предъявляет «запрос на миролюбивую внешнюю политику» на основе таких

ценностей, как «мир и уважение», и критикует излишний экспансионизм, негативные экономические последствия и двойные стандарты в международных отношениях [Осенний перелом, 2018].

Но в последнее время (со второй половины 2018 г.) стали вновь проявляться признаки низкой и даже негативной оценки действия властей [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 12]. Главные причины современного скептического настроения населения исследователи видят в следующем: недостаточные изменения в составе правительства, отсутствие конструктивной программы и, конечно, разочарование в выборах, которые воспринимались «как рутинное ненужное мероприятие, ради которого зря тратят деньги и загружают людей» [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 12–13]. Хотя по оценкам экспертов Московского центра Карнеги, вопреки представлениям о дискредитации электорального механизма, главным инструментом перемен в сознании современных россиян остается голосование «на выборах за партии / кандидатов, предлагающих близкий им план преобразований». В силу его легитимности такой способ выбрали 43% опрошенных [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 2].

Несмотря на ухудшение социального самочувствия, в российском обществе до сих пор имеет место относительно *низкий протестный потенциал*, отсутствуют негативные и агрессивные эмоции, а проявления недовольства носят локальный характер при низкой готовности участвовать в политике (например, по данным Левада-Центра, в апреле 2017 г. только 16% опрошенных выражали готовность к участию в политике) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 14].

Подобные общественные настроения объясняют *особенности* социально-экономической адаптации россиян, в том числе: 1) краткосрочность адаптационных стратегий; 2) преобладание ситуативно-прагматического способа адаптации, в рамках которого имеющиеся ресурсы реализуются в сложившейся внешней среде; 3) неотлаженность механизмов «обратных связей», а также навыков осуществления общественного контроля за действиями властных структур; 4) неспособность к конструктивной корректировке внешней среды со стороны основной части российского населения; 5) дискретный характер адаптации ввиду неравномерного социально-экономического развития регионов (территориальный фактор); 6) глубокие разрывы в возможностях адаптации работников частного и государственного секторов экономики; 7) «внутрисекторальные различия», связанные с экономическим положением отдельных отраслей

и организаций; 8) множественная занятость как распространенный способ адаптации (по некоторым данным ею было охвачено 20% населения) [Адаптационные стратегии населения, 2003, с. 24].

На сегодняшний день эксперты зафиксировали следующие *тенденции, которые детерминируют адаптационный потенциал и адаптационное поведение россиян*, а именно:

1) *возрастающая готовность к решительным, масштабным переменам*: доля сторонников радикальных изменений выросла с 42% в августе 2017 г. до 57% в мае 2018 г., а число сторонников незначительных изменений сократилось с 41 до 25%. Причем в мае 2018 г. число предъявляющих запрос на перемены вышло за рамки малоимущих групп и охватило средние слои населения [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 15–16];

2) *признаки вытеснения надежды на сильную власть* («легистской утопии») *запросом на справедливость*: на первый план выходит не требование сильной власти (7% участников фокус-групп), а требование справедливости (80% участников, с учетом близкого по смыслу запроса на действенную социальную политику) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 16]. При этом возросло число россиян, придающих первостепенное значение *процессуальной справедливости* – «равенство перед законом важнее для страны, чем справедливое распределение благ» [Осенний перелом..., 2018]. В то же время согласно результатам исследования, проведенного специалистами Московского центра Карнеги, главным смыслом реформ участники считают повышение уровня жизни в стране, обеспечение большей социальной справедливости, более эффективной социальной защиты, более доступной медицины и здравоохранения [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 10–11];

3) *переключение на «внутренний локус контроля»* (акцент на *внутренних качествах*): дискредитация опоры на помощь государства (94% респондентов заявили, что не полагаются больше на государство, а полагаются только на себя) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 14]. Совместное исследование Московского центра Карнеги и Левада-Центра показало, что россияне демонстрируют позитивное отношение к рыночной экономике и даже хотели бы, «чтобы их дети стали успешными частными хозяевами и предпринимателями» [Волков Д., 2018]. Основная причина этой тенденции – экономический кризис, снижение уровня жизни, недостаточная помощь государства, необходимость полагаться на собственные силы и интеграцию с себе подобными [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В.,

2018, с. 21–23]. При этом группа предпринимателей выражала большую заинтересованность в активной гражданской позиции, развитии демократических институтов, бизнеса и экономики в целом по сравнению с другими группами [Волков Д., 2018].

Результаты проведенного фондом «Либеральная миссия» социологического исследования (октябрь 2018 г.) показывают, что в конце 2018 г. эти тенденции были дополнены следующими социальными трендами:

– *усиление пессимизма в восприятии будущего России*: 46% респондентов считали, что ситуация ухудшится, 22% – останется на нынешнем уровне;

– *активизация ценностей самовыражения*, а именно: уважение (равенство прав, доверие к людям, внимательное отношение к их устремлениям и убеждениям, уважение друг к другу, взаимопочтение народа и власти, уважение к другим странам), свобода, мир, экология, научный прогресс, развитая промышленность, справедливость, благополучное («процветающее») население – патриоты своей страны;

– *запрос на лидеров нового типа*, отвечающих следующим характеристикам: уважительное отношение к народу и его интересам, честность, способность признавать свои ошибки и делегировать полномочия, демократичность, законопослушность, открытость, дипломатичность (в международных отношениях);

– *нарастание запроса на изменения: готовность к радикальным переменам выразили 76% респондентов*;

– *взаимное недоверие власти и народа*: негативное восприятие респондентами отношения к ним власти, ухудшение коммуникации между властными структурами и населением, сочетание ощущений непредсказуемости, ненадежности и небезопасности [Осенний перелом..., 2018].

В то же время эксперты считают, что не следует игнорировать роль государства в сегодняшней России, поскольку многие россияне придерживаются позиции «власти не доверяем, но заботу о достойной жизни возлагаем на государство», характерной для советского патернализма [Хамраев В., 2018]. Это суждение, по сути, является *основой общественного договора*: «власть должна обеспечить нам некоторый достаток в жизни, а мы будем вести себя в соответствии с ее требованиями» [Хамраев В., 2018]. Так, согласно данным Левада-Центра, в июле 2018 г. 62% граждан продолжали считать, что «государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни»; 30%

были уверены, что государство «должно устанавливать единые для всех правила игры и следить за тем, чтобы они не нарушались», а за минимальное вмешательство государства «в жизнь и экономическую активность своих граждан» выступили всего 6% россиян [Хамраев В., 2018].

Надежды на государство со стороны большинства населения также объясняются *слабостью противников государственной политики*, проявляющейся в качественных характеристиках оппозиции, которая: а) не имеет структурированных идей и сложившейся идеологии; б) стремится привлечь к себе внимание любыми средствами; в) не способна объединиться в политическую организацию; г) осуществляет в основном локальные протесты по конкретным поводам; д) активно распространяет информацию только в социальных сетях; е) распространяемая информация носит преимущественно эмоциональный характер [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 29, 32]. Другими словами, сегодняшние протестные движения гетерархичны, полицентричны и не контролируют процессы собственного изменения и адаптации, что приводит к фрагментации оппозиционной активности и препятствует ее консолидации в массовые движения с четко сформулированной программой действий.

К числу наиболее вероятных *последствий* вышеперечисленных трендов специалисты относят: 1) *рост контрэлитного популизма* (типичные признаки: усталость от политического «застоя», запрос на справедливость, возрастающая готовность к быстрым, масштабным и рискованным изменениям); 2) *риски для экономической политики* (стремление населения искать нереалистичные социально-экономические решения, которые могут привести к потере макроэкономической и бюджетной устойчивости) [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 32–38]; 3) *готовность адаптироваться исключительно к изменениям в области новых технологий* (64% россиян в той или иной степени выразили желание приспосабливаться к технологическим изменениям против 27% нежелающих); 4) *осуждение и неготовность к повышению пенсионного возраста* (74% опрошенных «против» и 18% «за», причем определенно «не готовы» – 49%), а также *сохранение социальных льгот* даже вопреки повышению качества жизни (78% против 16%) [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 26–27].

Заключение

Последние исследования массового сознания современных россиян зафиксировали, что латентные изменения в общественных настроениях достигли своего рода критической точки и, по-видимому, уже близки к тому, чтобы перейти в открытые формы публичного общественно-политического действия, хотя политическая активность и протестный потенциал на данный момент остаются на относительно низком уровне [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 38]. Подобная ситуация «ментальной энтропии» связана с тем, что российское общество не сформулировало конкретных требований, в нем доминируют общие пожелания повышения качества и уровня жизни при отсутствии широкой публичной дискуссии и информации о потенциальных изменениях [Волков Д., Колесников А., 2017, с. 2].

В то же время имеет место рекалибровка общественных ориентиров и ценностей, связанная с критической переоценкой социально-экономических реалий, в том числе: отказ от «классического популизма», вытеснение базовых материальных потребностей, приоритет самовыражения по различным направлениям – «от внешней политики до отношения к мигрантам и от восприятия реформ в бюджетной сфере до требований к потенциальным лидерам» [Осенний перелом..., 2018].

Очевидно, что российское общество интуитивно склоняется к сочетанию адаптационных и преадаптационных стратегий, осознавая необходимость изменений, «чтобы было лучше и спокойнее жить» [Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., 2018, с. 30] и чтобы достичь «новой мечты» [Волков Д., 2018] для своих детей и внуков – комфортной для самовыражения и проявления частных инициатив общественной среды, непротиворечащей государственным интересам и целям России в XXI в.

Список литературы

1. Адаптационные стратегии населения: Коллективная монография / под. ред. Е.М. Авраамовой. – СПб.: Компьютербург, 2003. – 196 с. – Режим доступа: <http://csl.isc.irk.ru/BD/Books/Стратегия%20населения.pdf>
2. Волков Д. Новая русская мечта / Левада-Центр. – М., 2018. – 21.11. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2018/11/21/novaya-russkaya-mechta/>

3. Волков Д., Колесников А. Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? – М.: Московский центр Карнеги, 2017. – 33 с. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906>
4. Горшков М.К., Ключарев Г.А. Непрерывное образование в контексте модернизации. – М.: ИС РАН: ФГНУ ЦСИ, 2011. – 232 с. – Режим доступа: https://5top100.ru/upload/iblock/dff/csp_gorshkov_klucharev.pdf
5. Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В. Признаки изменений общественных настроений и их возможные последствия / Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИОН РАНХиГС), КГИ. – М., 2018. – 41 с.
6. Коршунов А.В. Адаптационные стратегии российской молодежи на рынке труда // Теория и практика общественного развития. – Краснодар, 2011 а. – № 7. – 4 с. – Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2011/7/sociologiya/korshunov.pdf (дата обращения 17.01.2019).
7. Коршунов А.В. Адаптационные стратегии российской молодежи на рынке труда в условиях социально-экономической нестабильности и неопределенности: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Ростов-на-Дону, 2011 б. – 31 с. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/1185909-pall.html>
8. Красавина Е.В. Основные подходы к анализу адаптационного механизма молодежи в условиях современного общества // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2015. – № 1 (13). – С. 48–57. – Режим доступа: <https://www.rea.ru/ru/org/cathedries/prlogkaf/Documents/Красавина13.pdf>
9. Логинов Д.М. Высшее образование как ресурс адаптации населения к социально-экономическим изменениям в современной России: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2004. – 22 с. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/226/523/1219/Avtoreferat.pdf>
10. Лопаткин И.В. Адаптация молодежи на современном рынке труда: социологический аспект: Дис. ... канд. соц. наук. – Саратов, 2015. – 177 с. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/dissertation/2015/10/06/dissertaciya_i.v._lopatkin.pdf
11. Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? / Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В., Черепанова Е.В. – М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2018. – 26.12. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/7298>
12. Соколова Ю.Д., Зборовский Г.Е. Адаптационные стратегии социальной общности пенсионеров: управленческий подход // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы II Междунаро. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 18–20 апреля 2016 г.: в 2-х т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – Т. 2. – С. 312–316. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/44586>

13. Хамраев В. Россияне требуют от государства заботы // Газета «Коммерсантъ». – 2018. – № 151, 23.08. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3720460>
14. Bouhajeб M., Mefteh H., Ben Ammar R. Higher education and economic growth: the importance of innovation // Atlantic Review of Economics (ARoEc). – 2018. – Vol. 1, N 2. – Mode of access: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=6525858>
15. Lafuente-Ruiz-de-Sabando A., Forcada J., Zorrilla P. The university image: a model of overall image and stakeholder perspectives // Cuadernos de Gestión. – Bilbao, 2019. – Vol. 19, N 1. – P. 63–86. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/326380276_The_university_image_a_model_of_overall_image_and_stakeholder_perspectives